

несколько деревень. Выслушав нас и немного подумав, сириец отправляется в путь.

Незадолго до заката, когда все вокруг становится жуткого красного цвета, а дорога идет черной полосой посреди пустыни, напоминая кадры из фантастических фильмов, вдруг из-за ближайшего холма слева появляется небольшая деревушка. Дома и вовсе диковинные — в виде стогов с сеном. Мы просим остановиться. Водитель заговаривает с местной женщиной: оказывается, тут у него есть какие то знакомые, и нас всех приглашают на чай — вот в такой вот дом-стог.

Детвора под криками взрослых сдает немного назад, оставляя перед собой шаг-другой простора, и можно успеть сделать пару кадров, прежде чем они снова налетят, как стая галчат, и никого тут не волнует, что мы их не понимаем: сыплются вопросы, шутки, просто стоит гам.

Нас принимает уже немолодая женщина. Вокруг усаживаются ее дети, их пять. Не сказать, что это много: мы видели семьи,

в которых одиннадцать детей. Пьем чай, а наш гид рассказывает: таких домов больше в Сирии не делают, все что осталось — тем и пользуются. На мой вопрос, сколько этому дому лет, пожилая хозяйка ответила, что она просто въехала в него — он стоял тут до того, как она родилась.

На семью — три таких купола. В одном гостиная и кухня, в другом спальня, в третьем всякий хлам. Эдакая темная комната. Проводник говорит, что где-то есть такие же дома, но очень большие, просто гигантские, их еще меньше осталось: направление — в сторону Турции. Я думаю, в следующее посещение Сирии надо будет обязательно попробовать отыскать это место, а пока нам пора в путь — темнеет, надо торопиться. Ночью слишком опасно вести машину.

На следующий день мы направляемся к бедуинам. С утра пустыня не выглядит такой мистической и роковой, как вчера: вполне обычная, пустыня как пустыня. Видим еле заметный съезд, а вдалеке — ма-

 Serjilla — мертвый город. Сирия таит немало подобных городов-призраков прошлого. Среди остатков улиц и домов можно бродить часами — не надоест. И туристов немного

шину и три шатра-палатки. Нам сюда. Проводник о чем-то говорит с хозяином и через минуту обращается к нам — вас приглашают на чай.

Подходим.

Шатер из материала, напоминающего брезент, на оттяжках, стоит посреди пустыни. К этому незатейливому пейзажу нечего добавить — только редкие кусты колючек, по всей видимости, обеспечивающие собой существование здешних баранов.

К нам выходит все семейство бедуинов.

Женщины тут же попрятались, а детям нет дела до того, что мы не похожи на них, и снова вокруг нас хоровод.

Проходим в дом. Хотя домом-то палатку всерьез не назовешь — но для них, кочевников, это и есть дом, в котором они все живут. Когда нужда или иная причина заставит, они просто соберут весь скарб, со-

